

УДК 81

**РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ФОРМ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ОСНОВАХ НА *-ǫ и *-jǫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНО-КНИЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ XI в.)**

© 2008 г.

Ю.В. Палладиева

Казанский госуниверситет

afina.pallada@mail.ru

Поступила в редакцию 30.05.2008

Рассматриваются вопросы варьирования форм творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода основ на *-ǫ и *-jǫ в славяно-книжных источниках XI века. Впервые при изучении данных вопросов используется база электронного Корпуса всех сохранившихся древнейших славяно-книжных рукописей древнерусского письма XI в. (20 памятников). Исследование ведется в рамках нового направления в историческом языкознании – корпусной лингвистики.

Ключевые слова: историческая грамматика, восточнославянизмы, вариативность форм, напряженный редуцированный, родовая принадлежность имени.

В современном историческом языкознании пристальное внимание уделяется славяно-книжным источникам. «Долгое время в исторической русистике существовал неоправданный нигилизм в отношении к церковнославянским памятникам как источникам сведений о языковой динамике. Система языковых представлений древнерусского общества воплотилась во всей совокупности созданных им письменных источников, и ее реконструкция возможна лишь при обращении ко всему их обширному многообразию» [1]. Как показывают новые исследования по исторической грамматике русского языка [2–4], в церковно-книжных, или в русско-церковнославянских источниках (термин использует В.Б. Крысько) древнерусского письма наблюдаются яркие восточнославянские особенности и обнаруживаются наиболее ранние примеры инноваций [5]. Изучение славяно-русских памятников XI в. необходимо для установления исходной системы грамматических форм, а также выявления основных тенденций в развитии литературного языка. Разработка проекта «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic» и создание электронного корпуса славяно-книжных источников открывают в этом отношении совершенно новые возможности. Проект был осуществлен благодаря сотрудничеству ученых Софийского университета им. св. Климента Охридского и Норвежского университета науки и технологии в период с 1996 по 1999 год [6]. Электронный корпус включает только тексты XI века, которые представлены в объеме микрофильмов и фотокопий рукописей с имеющихся в наличии подлинных изданий; все

характерные особенности рукописей восстановлены (глоссы, пунктуация); языковой материал электронного корпуса достоверен с точки зрения соответствия оригинальным источникам. Электронный корпус «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic» состоит из 19-ти неравнообъемных книг разной жанровой принадлежности. В данной работе приводится жанровое разбиение памятников, в основу которого положены классификации А.М. Камчатного и Н.А. Мещерского [7, 8]. Кроме материалов электронной базы «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic», в исследовании используется интернет-издание Путятиной миней, представленное в материалах электронного ресурса www.manuscripts.ru [9].

Обращение к корпусу славяно-книжных текстов XI в. позволяет выявить все возможные варианты, функционировавшие в древнерусском языковом узусе, и реконструировать исходную грамматическую систему языка Древней Руси XI в. Кроме того, только посредством исследования всех источников одного хронологического периода любая исследуемая форма может занять свое место в общей картине, потому что становится известным: 1) насколько последовательно употребляется в данном тексте эта форма; 2) как соотносится ее употребление с употреблением в том же тексте других форм и 3) как употребляется данная форма в других текстах. «В противном случае исследователь, имея дело лишь с разрозненными фактами, лишен возможности отличить общее от особенного, случайное от нормативного, стилистически значимое от нейтрального и т.д.» [10].

Изучение вариативных форм творительного падежа (далее – ТП) единственного числа (далее – ед. ч.) мужского и среднего рода (далее – м. р. и ср. р.) имеет важное значение, поскольку уже в самых ранних источниках в ТП отражаются восточнославянские диалектизмы, которые становятся приметой древнерусского литературного языка. Предметом исследования данной работы являются следующие вариативные формы ТП ед. ч. м. р. и ср. р.: **вогъѣмь/пу?аиоуі** и **постомь/отъѣцьемь, житиѣмь/житниѣмь**. Творительный падеж занимает центральное место в грамматической оппозиции «мужской-средний vs. женский род» (ср. «мужские» и «женские» формы ТП у слов одного типа склонения – в основах на *-ї: *гостѣмь* vs. *костѣю*; в основах на согласный: *дньѣмь* vs. *матерью*). Несмотря на свою функционально-грамматическую значимость, варьирование форм ТП остается одной из наименее разработанных тем исторической русистики. Лишь недавно была установлена связь варьирования форм ТП с общими тенденциями в развитии грамматической системы древнерусского языка [11]. Отдельные вопросы, связанные с варьированием форм ТП в древнейших источниках, рассматривались в работах В.М. Маркова (исследование форм ТП на *-омь/-емь* и *-ѣмь/-ѣмь* на материале Пуягиной минеи [12]), Ф.Ш. Мирочника (изучение имен основ на *-ї в ТП ед. ч. м. р. на базе отдельных книг XI–XII вв. [11]), В.М. Живова (вопрос о том, как соотносятся восточнославянские и старославянские флексии ТП ед. ч. с противопоставлением орфограмм, включающих чередования *жд/ж, ?h/?g* и т.д.) [13]) и др. Электронные технологии впервые позволили произвести сплошную выборку форм и последовательно использовать статистические выкладки с учетом всех орфографических вариантов. Необходимо отметить, что в статье не рассматривается связь вариативности форм ТП с падежной семантикой (с нашей точки зрения, здесь не наблюдается какая-либо взаимообусловленность).

Появление нового окончания ТП *-ѣмь* в основах на *-jǫ отражает распространение окончания ТП *-ѣмь* в основах на *-ǫ, а замена *-ѣмь* на *-ѣмь* после мягкого согласного обусловлена законом слогового сингармонизма, как и замена окончания ИП *-ѣ* на окончание *-ѣ* в мягкой разновидности склонения на *-ǫ. Поскольку новое окончание ТП *-ѣмь*, противопоставленное старославянскому окончанию *-омь*, по происхождению связано с основами на *-ї, следовало бы ожидать, что инновационные формы ТП на *-ѣмь* будут распространяться с некоторой задержкой

по сравнению с инновационными восточнославянскими формами ТП на *-ѣмь*. Сплошная (корпусная) выборка форм подтвердила данное предположение: в древнерусских текстах XI в. обнаружено 770 форм с конечным *-ѣмь* в твердоосновных именах и 160 форм (21%) с конечным *-ѣмь* в мягкоосновных именах. Однако широкое распространение форм на *-ѣмь* обусловлено не только твердостью/мягкостью основы: взаимодействие типов склонения на *-ǫ и на *-ї связано с развитием категории рода: раньше инновационное окончание *-ѣмь* должны были получить именно слова м. р., потому что проникает это окончание из мужского склонения на *-ї.

Дистрибуция имен ТП на *-ѣмь/-ѣмь* может быть представлена в виде сводной таблицы, в которой учитывается родоразличительная дифференциация форм (см. табл. 1).

Статистическое исследование соотношения древнерусских форм на *-ѣмь/-ѣмь* в славяно-русских книгах XI в. дает следующие результаты с точки зрения родовой обусловленности употребления финалей *-ѣмь/-ѣмь*: в текстах обнаружено 692 формы м. р. на *-ѣмь/-ѣмь* (74.4%) и 238 форм ср. р. на *-ѣмь/-ѣмь* (25.6%) (общее количество имен на *-ѣмь/-ѣмь* м. р. и ср. р. составило 930 форм). Таким образом, процесс перехода имен с основой на *-jǫ от традиционных (старославянских) окончаний к новым (древнерусским) протекал плавно и довольно последовательно. Однако это соотношение не является одинаковым в отдельных памятниках. В наиболее древних книгах (ПА, МинП, ГБ) инновации преобладают у м. р. Следует отметить, что из подсчетов изъято небольшое количество словоформ на *-ѣмь* (3.3%, или 29 форм) от твердоосновных существительных. Они связаны с типичными для всех рукописей ошибками – предвосхищением гласного в следующем слоге (?ǣaeuі u 177v Изб. 1073; **жъзѣмь** 102.2 МинП; ?ǣi uі u 24b Мин с. и т.д.).

Вариативность форм ТП ед. ч. м. р. и ср. р. со старославянским окончанием *-омь/-емь* (так же как и с древнерусским окончанием *-ѣмь/-ѣмь*) обусловлена зависимостью от родовой принадлежности имени и отражает доминирование мужского рода над средним (см. табл. 2).

Родовая классификация предопределяет развитие древнерусского субстантивного имени: существительные ср. р. с конечным *-омь/-емь* составляют 23.7% (176 форм), существительные м. р. с конечным *-омь/-емь* составляют 76.2% (565 форм); имена ср. р. на *-ѣмь/-ѣмь* составляют 25.6% (238 форм), имена м. р. с конечным *-ѣмь/-ѣмь* составляют 74.4% (692 формы). В процентном соотношении данные вариации

ср. р. и м. р. с разными финалями практически равны. «Вариантность складывалась, по-видимому, раньше в мужских парадигмах и позднее – у существительных среднего рода. Она развивалась на протяжении довольно длительного времени в истории склонения» [11].

Следует заметить, что в памятниках прослеживается определенная взаимосвязь жанра письменного источника и грамматической формы ТП ед. ч. Так, древнерусские формы на *-ьмь/-ьмь* м. р. и ср. р. преобладают в литургических книгах (минеи – 53%), что может быть связано с определенной активностью употребления данных рукописей в религиозном обиходе (больше возможностей для проникновения элементов живой речи). Подобные результаты противоречат точке зрения, что наиболее тщательно правописная практика соблюдается в образцовых книгах для богослужебного чтения (евангелия, псалтыри, служебные минеи), нежели для келейного (частного) чтения [13]. Что касается взаимосвязи жанра и частотности употребления старославянской грамматической формы *-омь/-емь*, то процент распространения старых форм выше в книгах исключительно древних, то есть в источниках максимально приближенных к старославянскому языку (МипП – 8%, ГБ – 15.2%, ПА – 31.2%) [12, 13]. В этих книгах должно быть меньше лингвистической вариативности, тем не менее, в Пандектах Антиоха, предназначенных для чтения келейного, а не для богослужебного, процент старых форм значительно преобладает (формы на *-омь/-емь* составляют 31.2%, формы на *-ьмь/-ьмь* составляют 0.2%). В контексте вышесказанных рассуждений необходимо сделать следующее замечание: в некоторых памятниках используется одноеровая правописная практика (ЗлБ, ЛВ, ЕвТ, ЖК, ЖФ, ПсБ, первая часть ПА – л. 18d, 7 – 29d), следовательно, появляется погрешность в количестве функционирования форм на *-омь/-емь* и *-ьмь/-ьмь*, однако небольшой объем одноеровых памятников не может оказать какое-либо заметное влияние на общую статистику форм [13]. Тем не менее, нельзя забывать о том, что замены *-омь* на *-ьмь* напоминают замены глагольных флексий *-тъ* на *-ть*, становясь приметой древнерусского книжного языка. Именно в текстах XI в. и закладывается эта норма.

В текстах славяно-русских книг XI в. приметой древнерусского литературного языка (помимо форм типа *кръстъмь/моръмь*) становятся такие восточнославянские, как *житинимь*, *іоуаһааі ееі* и. Формы типа *житиемь/житъемь* отражают варьирование орфограмм с напря-

женным редуцированным в составе суффикса. Господство форм *житиемь/житъемь* противоречит распространению в древнерусском языке форм на *-ьмь*, так как в соответствии с формами типа *лицьмь* ожидалось бы формы типа *житинимь* (< *житиј+ьмь*), где оба *-и-* отражают напряженные редуцированные. Это требует объяснения. Несомненно, определенное значение имело то, что почти все эти формы относятся к книжным производным лексемам на *-ие*, *-ние*, *-тие* и усваиваются вместе с их книжной, старославянской формой. Аналогичные (но весьма малочисленные) примеры инноваций в старославянском языке отмечает А. Вайан: «... *олѣимъ* Син. пс., XLIV, 8; СШ, 15» [14].

Проанализируем распределение и статистику форм типа *житиемь/житинимь* с точки зрения жанрово-стилистической классификации памятников (см. табл. 3).

1. Литургические памятники

• *Евангелия*. По сравнению с другими памятниками, в ЕвО небольшое количество имен на *--і* у: 20 форм (*ãai " aegi egi* и 255b и т.д.). В тексте ЕвО обнаружено 7 форм на *-имь* (*і іі uо e-і eei* и 102d, *і аһагі eei* и 120b, *і e" і uо aeei* и 120b, *ei аuсai eei* и 293a, *ei gi eei* и 78d, *ei hi eei* и 226c, *ei hi eei* и 147 c). Закономерные формы древнерусского языка составляют 35%, что характерно в целом для ЕвО, в котором наблюдается много примеров с восточнославянской огласовкой в ТП ед. ч. (см. табл. 1). В ЕвА употребляются исключительно варианты книжного языка: 25 примеров *e?umgi e-і* и 83b и т.д. В ЕвТ не обнаружены формы с конечным *--і* и *-имь*.

• *Минеи*. Материалы миней представляют исключительно много форм ТП ед. ч. со старославянскими финалями. Так, в Мин с. слова с конечным *--і* у в разном орфографическом оформлении напряженного редуцированного встретились 262 раза (*млс̃?ae-і* и 1a, *і?ga?ho gi e-і* и 103a, *і іі uо egi egi* и 137a, *au?ei ugi* и 21a, *і?q? ѓі* и 10b и т.п.). И только два раза встретились формы с конечным *-имь*: *o hegi eei* и 73a, *au?u zi і agi eei* и 100a. В Мин о. представлена такая же ситуация: в тексте имеется 195 форм с конечным *--і* у (*і eпai egi* и 31b, *і?q? ugi* и 15b и т.п.) и две формы с конечным *-имь*: *рачениимь* 114a, *zi eei* и 19b. В Мин н. примеры на *--і* у встретились 360 раз (*пu au agi e-і* и 87b, *au?ci і agi u-і* и 74b и т.п.), обнаруженные примеры с конечным *-имь* пред-

Таблица 1

Источник	-ьмь (твердая основа)		итого	-ьмь (мягкая основа)		итого
	м. р.	ср. р.		м. р.	ср. р.	
ЕвО	58	3	61	5	13	18
ЕвА	15	3	18	2	1	3
ЕвТ	–	–	0	–	1	1
Мин с.	121	42	163	13	10	23
Мин о.	100	31	131	9	6	15
Мин н.	88	19	107	12	10	22
МинП	7	1	8	5	–	5
МинД	5	9	14	–	–	0
ПсБ	2	–	2	–	3	3
ПсЕ	–	–	0	–	–	0
ПсЧ	–	–	0	1	3	4
ЖК	–	–	0	–	–	0
ЖФ	1	–	1	–	–	0
ПС	14	1	15	6	5	11
Изб 1073	46	9	55	4	15	19
Изб 1076	120	30	150	11	12	23
ГБ	37	6	43	8	5	13
ЗлБ	–	–	0	–	–	0
ПА	2	–	2	–	–	0
ЛВ	–	–	0	–	–	0
Итого	616	154	770	76	84	160

Таблица 2

Источник	-омь/-емь	
	м. р.	ср. р.
ЕвО	7	0
ЕвА	2	4
ЕвТ	0	0
Мин с.	5	3
Мин о.	1	1
Мин н.	20	11
МинП	46	12
МинД	0	0
ПсБ	0	0
ПсЕ	16	10
ПсЧ	62	29
ЖК	0	0
ЖФ	0	0
ПС	58	12
Изб 1073	2	0
Изб 1076	51	37
ГБ	111	2
ЗлБ	7	0
ПА	176	55
ЛВ	1	0
Итого	565	176

Таблица 3

Источник	--i u	
	--i u	-имь
ЕвО	20	7
ЕвА	25	0
ЕвТ	0	0
Мин с.	262	2
Мин о.	195	2
Мин н.	360	2
МинП	183	0
МинД	28	17
ПсБ	2	0
ПсЕ	8	0
ПсЧ	94	4
ЖК	1	0
ЖФ	1	0
ПС	70	2
Изб 1073	73	0
Изб 1076	257	1
ГБ	320	7
ЗлБ	6	0
ПА	231	28
ЛВ	0	0
Итого	2136	72

ставлены с отражением стяжения гласных (сї ?ааегї еї u 10а, ог?гї еї u 27б). Путятина минея является одним из древнейших памятников и последовательно отражает преобладание старославянской нормы (см. табл. 1 и табл. 2), вероятно, в связи с этим в данном памятнике не встретился ни один пример с конечным **-имь**. Особая ситуация отмечается в Минее Дубровского: в этом источнике формы на **-имь** составляют

37.7% по отношению к формам на --i u: 28 примеров с конечным --i u (а?ї ?азгї егї u 7б, **прішьствььемь** 7а и т.п.) и 17 примеров с финалью на -ei u (аепо ai eei u 5а-5б, а-ehi eei u 9а-9б, аeahi eei u 14б, i aho o ai eei u 15б, i ?@? eei u 3а, 4а, i i ahaai eei u 8б, i ?аегї eei u 1а, i ?eei ? gi eei u 4б, i ?eo uno aeei u 15б, ne" i eei u 7а, " аегї eei u 14б, i ?@? eei u 2б, аgngeeei u 3а, " аегї eei u 3б, **оружнимь** 4б,

еі еі еі и 4b). И в целом в МинД преобладают формы с восточнославянской огласовкой (см. табл. 1 и табл. 2).

2. Агиографические памятники

В тексте ЖК встретился только один пример на -гі и (аисаи оаі егі и 1d); в тексте ЖФ также обнаружена только одна форма на --і и (о и таі е-і и 2с – 2d). В ПС восточнославянизмы на -имь составили 2.7% (? ео ееі и 82а, і еу ?аі ееі и 82а). Основное количество примеров в ПС приходится на книжные формы: обнаружено 70 форм на --і и (сі аі гі е-і и 5а, **опасеньемь** 119а и т.д.).

3. Религиозно-дидактические памятники

- *Изборники Святослава* 1073 и 1076 гг. отражают исключительно книжную норму в написании отвлеченных имен на --і и (73 формы на --і и в Изб 1073 (і уе ?аі е-і и 22, і ?еаеаһі е-і и 29v и т.д.) и 257 форм на --і и в Изб 1076 (і аееу-і и 87с, ?ап ?ау-і и 90b и т.п.)). Форма с напряженным редуцированным встретилась один раз в Изб 1076 – і ?һау еі ?гі ееі и 48b.

- *Толковые псалтыри*. Материалы ПсБ и ПсЕ непоказательны, так как объемы памятников ограничены. В ПсБ имеется 2 примера на --і и (**олѣкъмь** 7а, і гі аеаһі е-і и 8b), в ПсЕ обнаружено 8 примеров на --і и (сі аі гі угі и 11а, **весељкъмь** 6d и т.п.). В ПсЧ представлена более развернутая ситуация: формы на --і и встретились 94 раза (і ?і оеа ?агі е-і и 5b, епаегі и 4d и т.п.), формы с напряженным -и- в окончании встретились 4 раза (і ?еег ?аі ееі и 74а, оааегі ееі и 92b, " аегі ееі и 70d – 71а, епе@о гі ееі и 115а). Как можно видеть, в псалтырях прослеживается общая тенденция древнерусского языка XI в.: преобладание книжных форм на --і и.

- *Учительная литература*. В ЛВ не обнаружены формы ТП на --і и и на -имь. В ПА, несмотря на древность данного памятника, встречаются примеры на -имь (28 форм в разном орфографическом оформлении: і ?а ?уеі и 226а, ?аі еегі уеі и 238а; і ?һеі пеі аееі и 170с, нуі һ ?гі ееі и 177с; аисаааі е ? и 261b, епае ? и 197d и т.д.). Восточнославянские диалектизмы на -имь составили 10.8%, формы с книжными финалями на --і и составили 89.2%.

4. Произведения торжественного красноречия

В ЗлБ нет примеров с конечным -имь: употребляются только формы на --і и (6 примеров -

аі і-і и 2b, аеаһі е-і и 2а и т.п.). В ГБ примеры на -имь составляют 2.1% (7 форм в разном орфографическом оформлении: і уо е-і е ? и 64а и т.п.). Интересным является тот факт, что в ГБ 5 примеров на -имь (ееаі " і ееі и 6а, ауеао гі ееі и 11а, і ааһаі ееі и 11с, і о у оі ?агі ееі и 105d, аиса ?у ?аі ееі и 138b) представлены с твердым конечным губным сонорным. Известно, что процесс отвердения губного согласного в древнерусских памятниках XI в. уже начался и отражает живые процессы, происходящие в языке, так что в данном случае отражается живая восточнославянская речь.

Таким образом, варьирование старославянских и древнерусских форм выражается следующим процентным соотношением: 3.3% (72 примера) составили формы на -имь, 36.7% составили формы на --і и (общее количество форм -имь/--і и составило 2136 примеров). Данные статистических подсчетов (сравнительно небольшой процент восточнославянизмов на -имь) подтверждают первоначальный вывод о распространении в памятниках древнерусской книжности старославянской нормы, следовательно, об усвоении подобных форм из книжного языка. Вместе с тем распространению восточнославянизмов типа **житнимь**, **каменимь** препятствовали системные факторы. Возникшие формы изначально теряли выразительность, поскольку оказывались омонимичными формам ТП членных прилагательных типа **горьнимь**. Стяжение гласных только подчеркивало эту близость: **теченимь**, как **горнимь**. Однако в системе существительных такое фонетическое изменение нарушало морфонологическую целостность основы (*жит'*-, *камен'*- вместо *житиј*-, *камениј*-), что являлось формальным препятствием в утверждении данных восточнославянизмов. Тем не менее, в XI в. тенденция развития этих инноваций была довольно ощутима и наиболее ярко проявилась в Минее Дубровского и в несколько меньшей степени — в Пандектах Антиоха.

Итак, подведем некоторые итоги. Анализ варьирования форм ТП ед. ч. м. и ср. р., впервые проведенный на материале всех славяно-русских книг XI в., показывает, что восточнославянское окончание ТП ед. ч. м. р. и ср. р. -ьмь проникает в основы на *-ǫ из основ на *-ǫ раньше, чем окончание -ьмь в основы на *-jǫ. Этот процесс обусловлен как твердостью/мягкостью основы, так и родовой принадлежностью имени (в именах мужского рода восточнославянская инновация -ьмь/-ьмь пред-

ставлена шире, чем у существительных среднего рода). В славяно-русских книгах XI века наблюдается отражение восточнославянизмов в именах основ на *-jǫ типа **обычан, житник (житък)**. Проникновение форм типа **житнимь** в книжные источники в целом имело эпизодический характер и сдерживалось системными факторами. Отдельные восточнославянские диалектизмы становятся в XI в. яркой приметой древнерусского литературного языка. Благодаря сплошной обработке электронного корпуса книжных источников XI в. уточняются представления об исходной системе грамматических форм и проясняется роль варьирующихся форм в развитии древнерусского извода церковнославянского языка.

Примечания

- ГБ – Тринадцать Слов Григория Богослова, 377 л.
 ЕВА – Архангельское евангелие 1092 г., 178 л.
 ЕВО – Остромирово евангелие 1056–1057 гг., 294 л.
 ЕвТ – Туровское евангелие 10 л.
 ЖК – Житие Кондрата, 2 л.
 ЖФ – Житие Феклы, 2 л.
 ЗлБ – Златоструй Бычкова, 4 л.
 Изб 1073 – Изборник Святослава 1073 г., 266 л.
 Изб 1076 – Изборник Святослава 1076 г., 277 л.
 ЛВ – Листок Викторова (Слово о вере из Пандектов Антиоха черноризца), 1 л.
 Мин с. – Минея служебная, сентябрь, 1095–1096 гг., 176 л.
 Мин о. – Минея служебная, октябрь, 1096 г., 127 л.
 Мин н. – Минея служебная, ноябрь, 1097 г., 174 л.
 МинД – Минея служебная, июнь (Минея Дубровского), 15 л.
 МинП – Минея служебная, май (Путьтина минея), 135 л.
 ПА – Пандекты Антиоха черноризца, 310 л.
 ПсБ – Бычковская псалтырь с гадательными приписками, 9 л.
 ПсЕ – Евгениевская псалтырь, 22 л.
 ПсЧ – Чудовская псалтырь, 176 л.
 ПС – Синайский патерик, 184 л.

Список литературы

1. Жолобов О.Ф. Рец. на: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 томах. Т. VI. // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 161–166.
2. Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Лусеум, 1994. 224 с.

3. Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. 309 с.

4. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II: Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001. 235 с.

5. Крысько В.Б. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 337–355.

6. Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/notis/html> (дата обращения 25.07.2007)

7. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. С. 57.

8. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 280 с.

9. manuscripts.ru / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://manuscripts.ru> (дата обращения 10.01.2008)

10. Гиппиус А.А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 93–110.

11. Шульга М.В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М.: МГУЛ, 2003. С. 79–84.

12. Марков В.М. Из истории форм творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода // Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. Уч. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1964. С. 207–224.

13. Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII в. М.: РАН, Ин-т. русс. яз. им. В.В. Виноградова, 2006. С. 9–69.

14. Вайан А. Руководство по старославянскому языку: Пер. с франц. В.В. Бородич / Под ред. В.Н. Сидорова. М.: Изд-во иностр. литер., 1952. 446 с.

DEVELOPMENT OF THE OLD-RUSSIAN FORMS OF THE INSTRUMENTAL CASE SINGULAR IN THE STEMS ENDING WITH *-ǫ AND *-jǫ (USING THE MATERIAL OF THE 11TH-CENTURY SLAVIC BOOK SOURCES)

Yu. V. Palladieva

Variation of the forms of the instrumental case singular of masculine and neuter stems ending with *-ǫ and *-jǫ in the 11th-century Slavic book sources is investigated. For the first time, the base of the electronic corpus of all the preserved earliest 11th-century Old-Russian manuscripts (20 monuments) is used in the study. The research is conducted within the framework of corpus linguistics, a new area in the historical linguistics.